

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. Н. Гончарова

Гончарова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

ФРАНЦУЗСКИЕ ДИПЛОМАТЫ ПРОТИВ СТЕРЕОТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ НА ЗАПАДЕ (ПО ДЕПЕШАМ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 1814–1848 гг.)

Восприятие России во Франции в эпоху Реставрации и Июльской монархии было далеко неоднозначным. Оно было подвержено колебаниям политического маятника, но при этом над ним довлело множество стереотипов. Дипломаты, сотрудники посольства Франции в Санкт-Петербурге, неоднократно отмечали в своих депешах, что суждения о Российской империи на их родине выдают полное незнание этой страны — и так на протяжении всего периода с 1814 по 1848 гг. Французские государственные деятели, определявшие внешнюю политику страны, не могли полностью полагаться на газетные и журнальные публикации о России, которые зачастую лишь крайне поверхностно и пристрастно трактовали предмет своих изысканий. Естественно, что дипломаты, сотрудники посольства Франции в Санкт-Петербурге, тем более те из них, кто провел в России многие годы, внушали намного больше доверия, когда писали о стране своего пребывания в депешах. В этой связи представляется уместным задаться вопросом об образе России, который складывался из депеш дипломатов. На основании проведенного исследования делается вывод, что посольские донесения из Санкт-Петербурга предоставляли правительствам режимов Реставрации и Июльской монархии существенные элементы для формирования более адекватного представления о Российской империи, ее внешней и внутренней политике, социальной структуре и устремлениях разных слоев общества.

Ключевые слова: французское посольство, дипломаты, русофобия, стереотипы восприятия, депеши.

Goncharova Tatiana Nikolaevna, PhD in History, Docent, Institute of History, St. Petersburg State University.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

FRENCH DIPLOMATS AGAINST STEREOTYPICAL PERCEPTIONS OF RUSSIA IN THE WEST (ACCORDING TO DISPATCHES FROM ST. PETERSBURG IN 1814–1848)

The perception of Russia in France during the Restoration and the July Monarchy was very ambiguous. It was subject to the swings of the political pendulum, but at the same time it was dominated by many stereotypes. Diplomats, employees of the French Embassy in St. Petersburg, repeatedly noted in their dispatches that judgments about the Russian Empire in their homeland betray complete ignorance of this country – and so throughout the entire period from 1814 to 1848. French statesmen who determined the country's foreign policy could not fully rely on newspaper and magazine publications about Russia, which often only treated the subject of their research in an extremely superficial and biased manner. Naturally, diplomats, employees of the French Embassy in St. Petersburg, inspired much more confidence when they wrote about the country of their stay in dispatches. In this regard, it seems appropriate to ask a question about the image of Russia that emerged from the dispatches of diplomats. Based on the research, it is concluded that ambassadorial reports from St. Petersburg provided the governments of the Restoration and July monarchy regimes with essential elements for forming a more adequate idea of the Russian Empire, its foreign and domestic policies, social structure and aspirations of different strata of society.

Keywords: French Embassy, diplomats, Russophobia, stereotypes of perception, dispatches.

Период с 1814 по 1848 гг. можно назвать исключительным в истории восприятия России во Франции. По мнению историков М. Кадо и Ш. Корбе, посвятивших свои труды изучению истории взаимного восприятия французов и русских, никакая иная эпоха не создала столь противоречивого образа России, одновременно овеянного славой и внушающего ужас,

привлекательного и отталкивающего¹. В 1814–1815 гг. Россия защитила Францию от агрессивного настроя Пруссии, желавшей отомстить за унижения наполеоновского периода, содействовала принятию либеральной Хартии. Однако впоследствии, как отмечает Н. П. Таньшина, царская империя «стала восприниматься как угроза либеральным принципам». «Это было связано с событиями Июльской революции 1830 года, в ходе которой король Карл X лишился трона, и Палата депутатов провозгласила “королем французов” Луи Филиппа, герцога Орлеанского. Пришедшие к власти либералы-орлеанисты, то есть сторонники Луи-Филиппа, видели в императоре Николае I грозного идеологического противника...»². Публикации о России множились во Франции эпохи Реставрации и Июльской монархии, но дипломаты на посту в Санкт-Петербурге часто вздыхали о том, что суждения о России на их родине часто выдают полное незнание этой страны – и так в течение всего периода.

Французский посол режима Реставрации граф Огюст де Лаферронэ заметил в 1820 г., что «бытующее представление о России, как правило, ложное»³. Его преемник во главе посольства при Июльской монархии маршал Эдуард Мортье охарактеризовал сложившееся в Европе на 1832 г. мнение как «недостаточно информированное о настоящем положении дел в России»⁴. Секретарь посольства Огюст Казимир-Перье придерживался точно такого же мнения в 1842 г.

Среди французов было широко распространено заблуждение, что в царской империи оппозиционные суждения не находят никакого выражения и что все подчиняется диктату властей. Для либералов такая констатация была еще одним доказательством варварской сущности царской империи, в то время как легитимисты при Июльской монархии склонны были воспринимать ее как доказательство того, что «в Европе есть страна, где, несмотря на разницу вероисповеданий, сохраняются традиции настоящего

¹ *Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856. Paris, 1967. P. 209; Corbet Ch. À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris, 1967. P. 134–136, 191, 261.*

² *Таньшина Н. П. Русофилы и русофобы. Приключения французов в николаевской России. Санкт-Петербург, 2000. С. 26.*

³ Депеша О. де Лаферронэ от 10 апреля / 30 марта 1820 г., Санкт-Петербург. Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее — АМАЕ). Correspondance politique Russie (далее — СР Russie). Vol. 160. F. 165.

⁴ Депеша П. де Баранта от 24 марта 1837 г., Санкт-Петербург // *Souvenirs du baron de Barante de l'Académie française (1782–1866). 7 t. / Publiés par son petit-fils Claude de Barante. Paris, 1895–1897. T. 5. P. 555.*

патриархального общества, где между абсолютным монархом и его подданными царит гармония, не смущаемая конституционными новациями»⁵. Лучше знакомые с ситуацией на месте, дипломаты не разделяли ни один из вышеприведенных тезисов. Поверенный в делах Теодор де Лагрене счел нужным развеять в 1833 г. заблуждение насчет полного и непоколебимого консенсуса между царем и его подданными. «Общественное мнение менее молчаливо и более последовательно в этой стране, чем это обычно предполагают, и каким бы абсолютным ни был государь, он не считает себя достаточно сильным, чтобы пренебрегать им»⁶.

Выражая несогласие с чрезвычайно негативным имиджем императора Николая I во Франции, Проспер де Барант критиковал в 1839 г. французскую склонность наклеивать этикетки вместо того, чтобы интересоваться реальным состоянием дел во всех его противоречиях. Социальная структура Российской империи и ее институты были плохо известны французам.

Причина отмеченных несуразностей заключалась в том, что большая часть публицистов, писавших на темы российской повседневности и политики, интересовалась предметом своих изысканий крайне поверхностно или пристрастно; французские писатели хулили или превозносили Российскую империю, которая внушала им страх и своими размерами и своими нравами. Французские государственные деятели, определявшие внешнюю политику страны, перенимали зачастую эту манеру смотреть на Россию. Уместно поэтому задаться вопросом об образе России, который вырисовывался из депеш сотрудников посольства Франции в Санкт-Петербурге.

Наибольшее количество донесений посольства было посвящено внешней политике России, что вполне естественно, когда речь идет о дипломатах. В этом отношении довольно четко прослеживается одна тенденция. В деликатные моменты, такие как международные кризисы или народные волнения в Париже, сотрудники посольства старались скорее успокоить свое правительство относительно реальной позиции России, хотя и не всегда им это удавалось. Донесения поверенного в делах Поля де Бургуэна в первые недели, последовавшие за Июльской революцией 1830 г., особенно показательны в этом отношении. Он уверял свое правительство в

⁵ Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. Санкт-Петербург, 2006. С. 346.

⁶ Делеша Т. де Лагрэнэ от 26 марта 1833 г., Санкт-Петербург. АМАЕ. CP Russie. Vol. 186. F. 149.

том, император Николай I, несмотря на сосредоточение русской армии у польской границы и постоянные согласования с Австрией и Пруссией, не намеревался нападать на Францию. Не подлежит сомнению, что эти уверения дипломата, подкрепленные с февраля 1831 г. успокоительными заверениями посла Казимира де Мортемара, повлияли на позицию правительств Ж. Лаффита и К. Перье, и имели существенный вес, определив умеренность их политики⁷.

Периодически повторявшиеся военные приготовления России, столь грозные на взгляд из Франции, объяснялись в дипломатических донесениях склонностью императора Николая I к жестикуляции. Так, в 1833 г., во время совещания правителей России, Австрии и Пруссии в Мюнхенгреце и Берлине, в то время как большинство французских политических деятелей верило в неизбежность «крестового похода» северных держав против западных стран, поверенный в делах Теодор де Лагрене приложил всевозможные усилия к тому, чтобы рассеять эти слухи⁸. Между тем, как писал С. С. Татищев, сам император Николай I оказался тогда в ловушке своей неприязни к революционному происхождению режима Июльской монархии, став пешкой в коварной игре австрийского канцлера К. фон Меттерниха, поддавшись на его ухищрения, чтобы «опутать сетями и совлечь с национального пути русского государя»⁹.

В целом, можно утверждать, что посольство Франции в Санкт-Петербурге не подпитывало антирусские убеждения при тюильрийском дворе, а также не способствовало их возникновению. Напротив, жизнь в царской столице обычно побуждала французских представителей выступать перед своим правительством поборниками согласия с Российской империей. Жюст де Ноайль открыто пропагандировал франко-русский союз в 1816 г. Огюст де Лаферронэ был уверен в том, что русский союз – наилучшее средство для того, чтобы возвеличить униженную Венскими договоренностями Францию. Секретарь французского посольства Эдмон де Буалекомт, также сторонник союза с Россией, оказался редактором проекта

⁷ Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). Санкт-Петербург, 2016. С. 245–246.

⁸ Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом... С. 133–134.

⁹ Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы. Исторические очерки. Санкт-Петербург, 1889. С. XXII.

пересмотра европейских устоев, известного как «проект Полиньяка» (1829), который так никогда и не был реализован¹⁰.

При Июльской монархии неоднократно возникали опасения, что острие российской внешней политики направлено на осуществление ее заветной мечты – завоевание Константинополя, и что она уже близка к цели. Но сотрудники посольства вновь прилагали усилия для того, чтобы рассеять эти опасения. Каждый раз, когда Российская империя, как рассерженный зверь, который выпускает когти и рычит, приобретала имидж агрессивной державы, они предлагали примирительный взгляд на вещи. Так, в марте 1833 г., при первом известии об отправлении русского экспедиционного корпуса в Константинополь, Т. де Лагрэнэ пытался внушить своему правительству, что Франция может почерпнуть для себя некоторые выгоды из этого события. Действия российского императора, который отправил свои войска на помощь султану, не спросив мнения держав, объяснял он, означали для Франции обретение в Западной Европе «той же свободы действий, как та, на которую Россия претендует на Востоке»¹¹. Несколько месяцев спустя, в 1834 г., посол Никола Жозеф Мэзон обратился к своему правительству с призывом отозвать французскую эскадру из Босфора, аргументируя свою точку зрения тем, что от России не исходит никакой опасности¹².

Проспер де Барант также полагал, что Россия не вынашивает никаких агрессивных планов в отношении Ближнего Востока, по меньшей мере, в близком будущем. «Торговые интересы Петербурга и Москвы не связаны с Черным морем, а растущая активность торговли России разворачивается в системе, которая имеет Волгу в качестве главной артерии. Крым, Бессарабия, бассейн Днестра составляют другую систему, также обширную и важную, но которая не пользуется таким же интересом в глазах правительства, как первая...»¹³. Политика царского правительства на Ближнем Востоке направлена на приобретение все большего влияния на Османскую Порту, вплоть до того, чтобы оно стало полным и исключительным. Но в этой борьбе влияний, указывал П. де Барант, Франция имеет свои шансы и свои

¹⁰ Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом... С. 226.

¹¹ Деспеша Т. де Лагрэнэ от 1 марта 1833 г., Санкт-Петербург. АМАЕ. CP Russie. Vol. 186. F. 108.

¹² Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом... С. 226.

¹³ Деспеша П. де Баранта от 30 января 1836 г., Санкт-Петербург // Souvenirs du baron de Barante...Т. 5. P. 261.

преимущества, которые тюильрийское правительство не использует с должной энергией.

Председатель Совета министров Виктор де Бройль доверял этим заверениям посла в Санкт-Петербурге, несмотря на то что французское общественное мнение выражало тревогу и недовольство. Маршал Никола Сульт, стоявший во главе правительства в 1839 г., действовал менее мудро, открыто выражая опасения по поводу возможной высадки русских войск в Константинополе, несмотря на усилия, прилагаемые Барантом для того, чтобы привлечь его внимание к настоящей проблеме, которая заключалась в систематическом уклонении России от решения турецко-египетского конфликта сообща с европейскими державами¹⁴. Адольф Тьер, придя на смену Сульту в 1840 г., выступил с резкой критикой его близорукой восточной политики, в чем можно усмотреть и определенное влияние переписки П. де Баранта, с которой новый председатель Совета министров наверняка ознакомился, так как занимал одновременно пост министра иностранных дел.

В условиях, когда в 1830–1840-х гг. невозможно было и помыслить о близких контактах между двумя странами, вследствие негативной позиции императора Николая I по отношению к французскому королю Луи-Филиппу I и режиму Июльской монархии, осторожность и сдержанность посла П. де Баранта имела большое значение. «Личные качества П. де Баранта, человека, не склонного «к резким шагам и громким декларациям, но способного принимать самостоятельные решения в русле правительственной политики...»¹⁵ способствовали сглаживанию острых углов. Так, П. де Барант предотвратил разрыв дипломатических отношений в 1840 г., взяв на себя смелость скрыть от царского правительства написанную в порыве недовольства министерскую депешу Н. Сульта с резкой критикой русской политики в Польше¹⁶.

Хладнокровие дипломатов перед угрозой, исходящей из России, о которой много говорили и писали, объясняется отчасти тем, что вблизи русская мощь представлялась «скорее видимой, нежели реальной». П. де

¹⁴ Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом... С. 227.

¹⁵ Цит. по: Федина Т. А. Начало дипломатической деятельности барона Проспера де Баранта в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 12(38): в 3-х ч. Ч. I. С. 193.

¹⁶ Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом... С. 226.

Барант перечислял в 1836 г. признаки упадка прежнего влияния России в Европе: «Никакого влияния на Грецию, невозможность что-либо предпринять на Востоке, быстрый спад господства, которое она считала уже установленным над Великим сеньором; боязнь поссориться с Англией и необходимость сносить ее высокомерие; обязанность щадить Францию, несмотря на пылкую недоброжелательность против ее правительства; уверенность в раздражении германского общественного мнения и в отсутствии полной и интимной связи с Пруссией и Австрией, как только речь заходит о чем-либо, кроме Польши и пропаганды»¹⁷.

В своих суждениях о Российской империи сотрудники французского посольства, как правило, занимали умеренную позицию, между официальными хвалителями и завзятыми хулителями. По возможности, беспристрастные, их суждения по спокойствию своего тона могут быть сравнимы с суждениями Ксавье Мармье, автора «Писем о России...», изданных в Париже в 1843 г.¹⁸ Но есть один нюанс. Не претендуя на глубину анализа ситуации в Российской империи, дипломатические представители шли дальше, чем обычный незаинтересованный наблюдатель.

Сотрудники посольства Франции неоднократно проявляли новаторство в манере описания российской действительности. Так, некоторые из них считали неуместными сравнения между Россией и другими европейскими странами. П. де Барант был в этом глубоко убежден: «Все здесь испокон веков было настолько отличным от Запада, что мы введем себя в большое заблуждение, если будем судить в соответствии с нашими обычаями и нашими идеями»¹⁹. При этом он считал вполне оправданным сравнение России 1836 г. с ее состоянием на начало века: «Россия уже намного отличается от той России, которая была тридцать лет назад»²⁰.

Э. де Буалекомт также считал, что в России можно отдать себе отчет в реальном прогрессе только при сравнении настоящего положения вещей с прошлым и в этом усматривал русскую специфику. Произведя такое

¹⁷ Дешеша Баранта от 3 мая 1836 г., Санкт-Петербург // *Souvenirs du baron de Barante...* Т. 5. Р. 366–367.

¹⁸ *Marmier X. Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne. En 2 tomes. Paris: Delloyé, éditeur, 1843.*

¹⁹ Дешеша П. де Баранта от 22 декабря 1838 г., Санкт-Петербург // *Souvenirs du baron de Barante...* Т. 6. Р. 166. Это напоминает некоторые рассуждения, которые можно было услышать или прочитать на Западе об СССР в XX веке.

²⁰ Дешеша П. де Баранта от 25 июня 1836 г., Санкт-Петербург // *Souvenirs du baron de Barante...* Т. 5. Р. 416.

сравнение в 1823 г. при описании нижегородской ярмарки, он смог отдать себе отчет в быстром развитии отдельных секторов российской промышленности²¹. Другие дипломаты также заявляли, что администрация, торговля, социальная структура России столь отличны от того, к чему привыкли на Западе, что для того, чтобы хорошо понять функционирование государства, дух и характер народа, вынуждены абстрагироваться от общепринятых схем и приступить к изучению окружающей действительности с широким взглядом на вещи²².

Отметим, что военная мощь Российской империи, которая являлась предметом многочисленных рапортов посольства, вблизи казалась намного менее устрашающей, чем на расстоянии. Численный состав российской армии преувеличивался в официальных данных. Генералы чаще всего характеризовались как довольно посредственные стратеги. Что же до преданности офицерского корпуса, то она была неоднократно поколеблена. Как показывал опыт русско-турецкой 1828–1829 гг. и русско-польской войн 1830–1831 гг., на местности действенность российской армии была далеко не всегда такой же убедительной, как на бумаге.

Российский военный флот характеризовался как слабый в смысле оборудования и снаряжения, а также в смысле недостаточной подготовленности моряков к дальним плаваниям. Император Александр I забросил его совершенно, Николай I, напротив, уделял модернизации флота большое внимание. Однако все его усилия, направленные на то, чтобы улучшить его качество, многочисленные смотры балтийской эскадры, торжественные спуски на воду новых кораблей, по-видимому, не производили должного впечатления на французских представителей, регулярно приглашаемых на все эти мероприятия, но настроенных критично.

Кроме всего прочего, Российская империя постоянно испытывала трудности с финансами, которые, как известно, являются нервом войны. Из всех ветвей российской администрации именно финансы казались дипломатам самой слабой и уязвимой. Донесения часто упоминали о затруднительном положении государственной казны, которая прибегала к регулярным займам за границей²³.

Представители Франции в Санкт-Петербурге хорошо понимали необходимость значительных реформ в царской администрации и

²¹ Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом... С. 230.

²² Там же.

²³ Там же. С. 231.

социальной структуре империи, но в то же время боялись их последствий. В период с 1814 по 1848 гг., несмотря на некоторые либеральные реформы Александра I и скромные реформистские поползновения Николая I, в Российской империи произошло мало изменений. Но донесения ставили в известность о малейших проектах реформ, создавая впечатление несколько отличное от абсолютной неподвижности, которую описывали обычно праздные путешественники. Эти проекты реформ доходили до французских представителей сначала в виде слухов, а затем в виде окончательного документа после его обнародования, содержание которого, как правило, мало соответствовало предшествовавшим ожиданиям и пересудам.

Будет справедливым отметить, что французские дипломаты прекрасно осознавали разного рода принуждения, довлевшие над деятельностью российского государя, намного менее свободного в законотворчестве, нежели могло показаться, если принимать во внимание характер его власти, на первый взгляд, самодержавной. Александр I хотел быть либералом в соответствии с модой Западной Европы, но натолкнулся на сопротивление дворянства и всегда помнил о трагической гибели своего отца Павла I. Николай I, который, по мнению сотрудников посольства, отличался умом и душой истинно русскими, и был склонен к сохранению древних обычаев, понял необходимость некоторых изменений, но оказался перед лицом той же силы инерции, как и его старший венценосный брат. Эта сила инерции ассоциировалась в глазах дипломатов с великим князем Константином Павловичем, наместником Царства Польского, вплоть до его скоропостижной кончины в 1831 г.

Как подчеркивал академик Е. В. Тарле в статье о крестьянском вопросе в России по донесениям посольства Франции с 1842 по 1847 гг., дипломаты не сомневались в желании Николая I уничтожить крепостное право в свое царствование хотя бы для того, чтобы не оставлять эту трудную проблему нерешенной своему наследнику. В их донесениях, посвященных указам от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах и о дворовых от 10 июля 1844 г., четко прослеживается мысль о том, что император оказывался всякий раз останавливаем в своих желаниях реформ дворянской оппозицией. В результате, меры, задуманные как радикальные, оставались

факультативными либо сводились к нулю²⁴. Нельзя сказать при этом, что такая констатация чрезвычайно огорчала сотрудников посольства.

Более того, французские представители в России находили, что император слишком торопится с реформами крепостного состояния. Огюст Казмир-Перье усматривал опасность в том, что слухи о неосуществленных благодеяниях императора дойдут до крестьян и спровоцируют их на бунт против помещиков. «Осмеливаюсь сказать, этот указ (указ об обязанных крестьянах от 2 апреля 1842 г. – *Т. Г.*) – серьезная ошибка. Следовало сделать больше – или ничего не делать. В такой стране, как эта, полумеры губительны, опыт и история показали, что ничего не может быть опаснее, чем неполная реформа или неудавшийся государственный переворот»²⁵.

Кроме опасности крестьянского бунта, следствием полумер становилось раздражение дворянства. «Неблагоразумно делать бессильное покушение на такого врага, с которым следует завязать борьбу только с тем, чтобы победить»²⁶. Секретарь посольства Жан-Мари д'Андре с удивлением отметил в том же 1842 г., что обычное глухое недовольство, с которым дворянство относилось к политике императора Николая I, с некоторых пор стало выражаться свободно. В 1843 г. даже царедворцы позволяли себе резкий тон в суждениях об императорской политике²⁷.

Вообще же, дипломаты обращали пристальное внимание на общественное настроение, которое находило выражение в столичных салонах. Т. де Лагрэнэ склонен был объяснять давлением общественного мнения, нетерпимого к полякам, жесткие акции российского императора в Польше. В то же время, отсутствие значимых реакций на такие события, как Кавказская война, заставляло дипломатов усомниться в существовании независимого мнения в России, во всяком случае, относительно внутренних дел империи. П. де Барант усматривал в равнодушии, с каким общество узнавало об успехах и поражениях русской армии на Кавказе, молчаливый пакт, заключенный с ним властью²⁸.

²⁴ *Тарле Е. В.* Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842–1847 гг. // *Тарле Е. В.* Сочинения: в 12 т. Т. IV. Москва, 1958. С. 584.

²⁵ Там же. С. 578.

²⁶ Там же. С. 579.

²⁷ *Тарле Е. В.* Император Николай I и крестьянский вопрос в России... С. 582–583.

²⁸ Деша П. де Баранта от 17 декабря 1838 г., Санкт-Петербург // *Souvenirs du baron de Barante...* Т. 6. P. 163.

Период с 1814 по 1848 гг. стал для российского общества переходным. Купцы, мещане, ремесленники, крестьяне с течением времени заявляли все больше претензий на улучшение своего состояния. Что же до дворянства, многие из его представителей испытывали финансовые трудности, вынужденные закладывать свои имения, хотя зарождение промышленности и стало спасительным для многих из них, обеспечив их новыми ресурсами.

В дипломатических донесениях, как правило, отсутствовала всякая информация о российской провинции, что вполне естественно так как жизнь французских дипломатов протекала при императорском дворе в Санкт-Петербурге. Как правило, дипломаты не выказывали также никакого интереса к философским идеям и литературной продукции в России. Они обходили молчанием политические программы декабристов. Вероятно потому, что события 14 декабря 1826 г. внушили «французским роялистам подозрение, что стабильность русского режима не так велика, как кажется»²⁹. К тому же, если дипломатам случалось упомянуть о существовании некоторых планов переустройства российского государства, вынашивавшихся заговорщиками, то они видели в них лишь западные идеи, извращенные русскими владельцами крепостных. При этом во французских донесениях слово «крепостной», по-французски «serf», практически не фигурировало. Этот элемент российской действительности дипломаты предпочитали передавать словом «esclave» — раб. Для П. де Баранта, через двадцать лет после восстания на Сенатской площади, как и для О. де Лаферронэ, очевидца событий, восстание 14 (26) декабря 1825 г. было лишь «сумасшедшим и абсурдным предприятием, которое не имело даже ясно обозначенной цели»³⁰.

Можно удивляться по поводу постоянного молчания посольских донесений на тему Сибири в тот час, когда колонизация этой обширной части Российской империи продвигалась семимильными шагами. Но Сибирь имела репутацию негостеприимной земли, предназначенной для отбывания наказания каторжниками, и сам российский император, будь то Александр I или Николай I, никогда не переступил в своих путешествиях за линию Уральских гор.

Следует отметить также, что французские дипломаты, представители конституционной монархии, критикуя произвол российских властей в

²⁹ Мильчина В. А. Россия и Франция... С. 348.

³⁰ Souvenirs du baron de Barante...Т. 5. Р. 309.

польском и религиозном вопросах, не ставили под вопрос уместность самого факта существования абсолютной власти в России. Так, по мнению Альфонса де Райневаля, только принуждением можно «соединить в единую массу и сделать управляемыми многочисленные народы, нецивилизованные или почти нецивилизованные, и рассеянные по неизмеримым пространствам...»³¹.

Посольские донесения подчеркивали обыкновенно недостаток в компетентных кандидатах на важные государственные должности, как гражданские, так и военные. Трудные и ответственные должности, по-видимому, внушали страх. Генерал М. С. Воронцов заставил себя долго упрашивать, прежде чем согласился занять пост губернатора Грузии, и лишь с большим трудом удалось найти преемника министру финансов Е. Ф. Канкрину и губернатора для Царства Польского, упорно именуемого в посольских донесениях Польшей³².

В целом, можно сделать вывод, что посольские донесения из Санкт-Петербурга предоставляли правительствам режимов Реставрации и Июльской монархии существенные элементы для формирования более адекватного представления о Российской империи, ее внешней и внутренней политике, социальной структуре и устремлениях разных слоев общества. Дипломаты способствовали на их уровне поддержанию европейского мира, неоднократно прилагая усилия для уменьшения напряженности в двусторонних отношениях. При определении политического курса министры иностранных дел так или иначе принимали во внимание мнение сотрудников посольства, которые, следовательно, были влиятельными действующими лицами внешней политики своего государства. Дипломаты прилагали зачастую усилия для того, чтобы доказать министру несправедливость и предвзятость общепринятых мнений. При этом стоит отметить некоторую раздвоенность их сознания. В то время как самодержавие и крепостничество принимались за меньшее зло, случаи произвола, жестокости и взяточничества вызывали возмущение. Не будет преувеличением сказать, что стремление французских дипломатов взглянуть на российскую действительность, абстрагируясь от общепринятых на Западе схем, нашло отражение в их суждениях, которые можно охарактеризовать как довольно независимые, хотя и несвободные от разного рода фобий.

³¹ *Тарле Е. В.* Император Николай I и крестьянский вопрос в России... С. 586.

³² *Гончарова Т. Н.* Между Парижем и Санкт-Петербургом... С. 234.

Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856. Paris: Fayard (col. "L'histoire sans frontières", 1967. 641 p.

Corbet Ch. À l'ère des nationalisms. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Marcel Didier, 1967. 489 p.

Fedina T. A. Rossijskaja sistema obrazovanija v predstavlenijah posla Francii v Rossii Prospera de Baranta [The Russian education system in the views of the French Ambassador to Russia Prosper de Barante], in *Nauka i shkola [Science and school]*. 2012. № 5. P. 170–173. (In Russian)

Федина Т. А. Российская система образования в представлениях посла Франции в России Проспера де Баранта // Наука и школа. 2012. № 5. С. 170–173.

Fedina T. A. Nachalo diplomatičeskoj dejatel'nosti barona Prospera de Baranta v Rossii [The beginning of the diplomatic activities of Baron de Barante in Russia], in *Istoricheskie, filosofskie, političeskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]*. Tambov: Gramota, 2013. № 12 (38): v 3-h chastjah. Chast' 1. P. 193–196. (In Russian)

Федина Т. А. Начало дипломатической деятельности барона Проспера де Баранта в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Часть 1. С. 193–196.

Goncharova T. N. *Mezhu Parizhem i Sankt-Peterburgom. Posol'stvo Francii v Rossii (1814–1848) [Between Paris and St. Petersburg. Embassy of France in Russia (1814–1848)]*. St-Petersburg: Izd-vo RHGA, 2017. 318 p. (In Russian)

Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2017. 318 с.

Marmier X. Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne. En 2 tomes. Paris: Delloyé, éditeur, 1843. T. 1. 202 p. T. 2. 338 p.

Mil'china V. A. *Rossija i Francija. Diplomaty. Literatory. Shpiony [Russia and France. Diplomats. Writers. Spies]*. St-Petersburg: Giperion, 2006. 525 p. (In Russian)

Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. Санкт-Петербург: "Гиперион", 2006. 525 с.

Souvenirs du baron de Barante de l'Académie française (1782–1866). 7 tomes. Publiés par son petit-fils Claude de Barante. T. 5, 6. Paris: Calmann-Lévy frères, 1895–1897. T. 5. 575 p. T. 6. 647 p.

Tan'shina N. P. Rossija barona de Baranta [Russia of Baron de Barante], in *Rodina [Homeland]*. 2009. № 11. P. 55–57. (In Russian)

Таньшина Н. П. Россия барона де Баранта // Родина. 2009. № 11. С. 55–57.

Tan'shina N. P. Posol'stvo barona de Baranta v Rossii v 1835–1841 godah. Po vospominanijam francuzskogo diplomata [Embassy of Baron de Barante in Russia in 1835–1841. According to the memoirs of a French diplomat], in *Rossija i Francija. XVIII–XX veka*

[*Russia and France. 18th–20th centuries*]. Moscow: Ves' Mir, 2011. Вып. 10. P. 83–120. (In Russian)

Таньшина Н. П. Посольство барона де Баранта в России в 1835–1841 гг. По воспоминаниям французского дипломата // Россия и Франция. XVIII–XX века. Москва: Весь Мир, 2011. Вып. 10. С. 83–120.

Tan'shina N. P. *Rusofily i rusofoby. Prikljuchenija francuzov v nikolaevskoj Rossii* [*Russophiles and Russophobes. Adventures of the French in Russia of Nicholas the First*]. St-Petersburg: Evrazija, 2020. 352 p. (In Russian)

Таньшина Н. П. Русофилы и русофобы. Приключения французов в николаевской России. Санкт-Петербург: Евразия, 2020. 352 с.

Tarle E. V. Imperator Nikolaj I i krest'janskij vopros v Rossii po neizdannym donesenijam francuzskih diplomatov 1842–1847 godov [Emperor Nicholas I and the peasant question in Russia according to unpublished reports of French diplomats of 1842–1847], in Tarle E. V. *Sochinenija: v 12 tomah* [*Works in 12 volumes*]. T. IV. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1958. 767 p. (In Russian)

Тарле Е. В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842–1847 гг. // Тарле Е. В. Сочинения: в 12 томах. Т. IV. Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1958. 767 с.

Tatishhev S. S. *Imperator Nikolaj i inostrannye dvory: istoricheskie ocherki* [*Emperor Nicholas and foreign courts: historical essays*]. St-Petersburg: Tipografija I. N. Skorohodova, 1889. 459 p. (In Russian)

Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы: исторические очерки. Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 459 с.